

УДК 639.24.081(571.651)

МОРСКОЙ ЗВЕРОБОЙНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В ЧУКОТСКОМ РАЙОНЕ ЧУКОТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В 30–40-х гг. XX в.

Л. Н. Хаховская

*Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН,
г. Магадан
E-mail: hahovskaya@neisri.ru*

На основе архивных источников в микроисторическом ракурсе рассмотрены институциональные, экономические и социокультурные аспекты советской модернизации морского зверобойного промысла в Чукотском районе Чукотского национального округа в 1930–1940-х гг. Показана ситуация, сложившаяся в приморских селениях в ходе проводимых «сверху» модернизаций жизненного уклада морских зверобоев и их ответных адаптаций к советской действительности. Сделан вывод о преимущественно традиционном образе жизни и культуре жизнеобеспечения у большинства оседлых жителей вплоть до середины XX в.

Ключевые слова: Чукотский район, морской зверобойный промысел, коренное оседлое население, коллективизация, советская модернизация.

ВВЕДЕНИЕ

Чукотский район Чукотки, а его границы к середине XX в. простирались от бух. Преображения на юге до устья р. Амгуэма на севере (площадь района составляла 121 600 км²), являлся регионом, в котором преимущественным занятием коренного населения оставался морской зверобойный промысел. Состояние биологических ресурсов, служивших объектами охоты (кит, морж, лахтак, нерпа), к рассматриваемому периоду было основательно подорвано хищническим их уничтожением американскими промысловиками еще в досоветский период. Под влиянием промысловых практик американцев существенно изменились и способы морской охоты аборигенов: огнестрельное оружие заменило традиционный гарпун, байдары сменились вельботами, стали применяться моторы. Результативность морской охоты, однако, оставалась низкой, не обеспечивая потребностей оседлого населения и даже не избавляя его от угрозы голода. Поэтому в первые советские годы руководители региона столкнулись с необходимостью, во-первых, постоянно организовывать и контролировать ход добычи, чтобы население не голодало; во-вторых, переоснащать зверобоев техническими средствами (оружие, флот); в-третьих, наладить регулярное снабжение прибрежных поселений привозными

товарами и продуктами, отчасти заменяющими традиционную пищу. В соответствии с общим направлением советской модернизации эти задачи решались преимущественно в рамках коллективной организации труда (создание артелей и товариществ) и потребления (создание кооперативов).

Сходные проблемы экономического и культурного развития береговых хозяйств, занимавшихся морским зверобойным промыслом, были присущи и другим территориям Крайнего Севера (например, Ольский и Северо-Эвенский районы Магаданской области), но наиболее выпукло они проявились в Чукотском районе Чукотки в силу традиционной специализации населения именно на этой отрасли природопользования.

Какие же результаты были достигнуты партийной и хозяйственной администрацией к середине XX в.? Насколько изменился жизненный уклад морских зверобоев Чукотки за более чем 20-летний советский период? Используя архивные источники (материалы бывшего партийного архива, ныне хранящиеся в Государственном архиве Магаданской области (ГАМО), в основном фонд П-12), попытаемся в данной работе осветить эти вопросы. Опора именно на архивные сведения обусловлена крайней скудостью историографии: труды по истории советской Чукотки затрагивают тему модернизации аборигенного уклада, как правило, в общих чер-

тах, не углубляясь в анализ конкретных локальных обстановок на определенный хронологический срез (Сергеев, 1955; Гарусов 1981; Бацаев 1997; Очерки..., 1974; История..., 1987; История..., 1989). В статье использован микроисторический подход: в центре внимания ситуация, сложившаяся в ходе проводимых «сверху» модернизаций жизненного уклада морских зверобоев и их ответных адаптаций к советской повседневности.

ОБСУЖДЕНИЕ

В первой половине XX в. ведущим направлением присваивающего хозяйства Чукотского района Чукотского национального округа являлась морская охота. Более половины всего добываемого на Чукотке морского зверя приходилось именно на этот район. Промысел основных видов морских зверей – моржа, лахтака и нерпы – служил источником доходов вновь образованных коллективных хозяйств и поставлял продукты питания коренным жителям, обитавшим в прибрежных селениях. Помимо решающего значения для экономики колхозов и жизнеобеспечения аборигенов, морской промысел был основой развития пушной охоты, транспортного собаководства и кустарных промыслов. Именно поэтому наращиванию объемов морской добычи руководство района, округа и вышестоящие инстанции придавали первостепенное значение, планируя их постоянный рост. Однако предпринимаемые советской и партийной администрацией попытки директивно интенсифицировать эту отрасль длительное время не давали эффекта: планы по добыче морских животных и вылову рыбы из года в год не выполнялись. При этом в 1930–1940-е гг. наблюдалась резкая дифференциация результативности промысла по видам морских животных: если с лахтаком и нерпой дело обстояло сравнительно благополучно, то морж становился все более редкой добычей. А ведь именно этот зверь был наиболее выгоден для обеспечения оседлого населения: средний вес выходной продукции (мясо с костью и жир) от разделки нерпы составляет 38–40 кг, лахтака – 80–160 кг, а моржа – 500–620 кг (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 77, л. 10; д. 84, л. 99). Таким образом, чтобы количественно заменить одного моржа, требовалось полтора десятка нерп или около десятка лахтак. Однако дело не только в количестве: морж для чукчей и эскимосов всегда был более желанной добычей, чем другие животные, так как его мясо и жир – самая лакомая и ценная пища.

В начале 1930-х гг., когда началась коллективизация берегового населения, выяснилось, что *«интерес к делу колхозного строитель-*

ства у туземцев есть, особенно [у тех] которые поняли о выгодах совместного ведения хозяйства» (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 8, л. 60). Выгоды эти заключались в том, что аборигенам, вступавшим в колхозы, передавали в пользование брошенные промысловые суда, отремонтированные за счет интегральных кооперативов. Так, Чаплинский кооператив восстановил шхуну «Чукотка», Уэленский – шхуну «Кооператор». Кроме того, в пользование этим зверобоям, объединившим свой труд, были переданы два новых кавасаки. Как сказано в архивных документах, *«команда и обслуживающий персонал судов состоит из туземцев, за исключением двух русских мотористов, временно плавающих для обучения мотористов-туземцев»* (ГАМО, Ф. П-12, оп. 1, д. 8, лл. 44, 59). В трех селениях (Уэлен, Лаврентия, Чаплино) открыли механические мастерские, в которых ремонтировали рульмоторы на вельботы и моторы на шхуны и кавасаки. Среди работников мастерских было немало аборигенов, работавших под руководством приезжих мотористов и механиков (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 8, л. 44). Поэтому, коренные жители сел Чаплино и Уэлен (в с. Лаврентия аборигены не проживали) могли почувствовать выгоду от совместной деятельности, тогда как большая часть коренных жителей, разбросанных по мелким прибрежным населенным пунктам, такими преимуществами не пользовалась и продолжала вести привычный образ жизни, и обобществлять личное имущество не стремилась.

Вопреки решению окружного комитета партии о товариществе (северосмешанной артели, для которой обобществление средств производства было необязательным) как ведущей форме коллективных объединений в Чукотском районе, коммунисты района в 1932–1933 гг. принялись создавать структуры более высокого уровня – собственно колхозы (в форме сельскохозяйственной или рыболовецкой артели), волевым порядком обобществив в них часть личных вельботов, моторов и оружия. Большинство организованных таким образом колхозов были объединениями нового типа только на бумаге, поскольку трудовые ячейки в них по своей социальной сути оставались прежними – это были не бригады, а *«старые вельботные группы, старшими которых являются старые хозяева [вельботов], например Пенкок в Дежневском колхозе»*. В результате получилось, что *«в руководстве колхозов заворачивают кулаки»* (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 14, л. 57).

В дальнейшем, под влиянием идеологического давления со стороны партийных лидеров и активистов, в результате приоритетного снабжения остродефицитными товарами именно кол-

лективных объединений, а также иных экономических предпочтений, в Чукотском районе удалось коллективизировать большую часть береговых жителей. К середине 1940-х гг. здесь существовало 27 коллективных структур, объединивших 865 хозяйств аборигенов. В число этих структур входили 12 колхозов (6 сельскохозяйственных и 6 рыболовецких артелей) и 15 северосмешанных товариществ (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 65, л. 18об). К началу 1948 г. численность домохозяйств, участвующих в коллективном труде, уменьшилась до 844, что составляло 93% всех оседлых аборигенных семейств (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 71, л. 19). Все товарищества и рыболовецкие колхозы, а также 2 сельскохозяйственные артели занимались, главным образом, морским зверобойным промыслом, удельный вес которого в общей суммарной доходности колхозов к концу 1940-х гг. достигал 54%, тогда как на оленеводство приходилось немногим более 21%, пушной промысел и извоз давал по 7%, рыболовство – 5%, кустарный промысел – 4,5% (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 65, л. 18об; д. 71, л. 20).

Из коллективных объединений, занимавшихся морской охотой, экономически более крепкими считались 6 рыболовецких («Единство», с. Нунлигран; «Ударник», с. Сиреники; «Новая Жизнь», с. Чаплино; «Красная заря», с. Уэлен; «Ленинский Путь», с. Наукан, «Красная звезда», с. Дежнев) и одна сельскохозяйственная («Имени Сталина», с. Инчоун) артели, а самыми слабыми – товарищества сел Ванкарем, Нутепельмен, Нешкан, Чегитун. У них стоимость основных средств производства не превышала 10 тыс. руб. На деле это означало, что *«в этих так называемых колхозах ничего колхозного нет, у них только один вельбот, при помощи которого и прививаются навыки коллективного труда. В этих товариществах, что добыл на вельботе, то и забрал себе»* (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 65, л. 18об).

Большинство созданных товариществ, действительно, скорее числились коллективными объединениями, чем были таковыми в реальности. Впрочем, и артели, считавшиеся более крепкими, самостоятельно организовать промысел так, чтобы не только полностью обеспечить людей и собак мясом и жиром, но и продать часть продукции для поднятия своего хозяйственного и экономического уровня, не могли. Собственно, хозяйство они продолжали вести по старинке, не придавая значения необходимости укреплять вновь созданные коллективные структуры. Как и прежде, *«зимний промысел проводится на льду одиночками, летний на воде группами»* (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 14, л. 8); разница заключалась лишь в том, что теперь это были не прежние байдар-

ные товарищества, возглавляемые зажиточным охотником – владельцем байдары, а колхозные бригады, состав которых утверждался правлениями колхозов и за которыми официально закреплялось определенное промысловое снаряжение.

Оснащение средствами производства, однако, было явно недостаточным, из-за чего промысел велся примитивными методами, требовал значительных людских усилий и был небезопасен для охотников. Эффективность промысла оставляла желать лучшего: чтобы с вельбота или байдары убить одного моржа на открытой воде, требовалось от 50 до 100 выстрелов (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 8, л. 59). Помимо этого, такой промысел приводил к гигантским потерям: *«Из практических наблюдений самих националов, 60% убитого морзверя – нерпы, лахтака, моржа – остается в море, в особенности весной и летом»* (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 14, л. 8). Так что раненный или убитый на открытой воде, но вовремя не загарпуненный, зверь становился добычей волн. Эти потери можно квалифицировать как скрытую передобычу, следствие крайне экстенсивного промысла. Но даже если зверь был удачно настигнут, много благоприятного для охоты времени отнимала транспортировка добытых на открытой воде животных к кромке льда, а затем к местам их разделки. В результате положение в промысловых хозяйствах, как видно из документов 1930–1940-х гг., постоянно находилось на грани критического из-за реальной угрозы голода вследствие скудного морского промысла.

Дополнительный «источник питания и средств для населения» партийные лидеры Чукотского района видели в рыболовстве и считали, что эта отрасль в экономике колхозов должна занять более весомое место. Пригодными для рыболовства в районе были 14 речек, 3 крупных озера и 4 лагуны, где, по расчетам, можно добывать до 10 тыс. ц рыбы в год. Однако еще в начале 1930-х гг. партийные работники констатировали: *«Туземец ловлей рыбы занимается лишь тогда, когда нет охоты на морского зверя»* (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 8, л. 35). Примерно такое положение сохранялось и спустя полтора десятилетия. К середине 1940-х гг. из 22 зверобойных объединений бригадный вылов был организован только в 3 (села Нунлигран, Сиреники и Чегитун); ежегодная валовая добыча в них составляла 1–1,5 тыс. ц, из которых 600–800 ц колхозы продавали организациям Главсевморпути, получая значительные доходы. Учитывая выгодность этой отрасли, советская администрация пыталась наладить артельный лов и в других хозяйствах, однако к началу 1949 г. добились лишь формального со-

Таблица 1. Результативность присваивающих отраслей в колхозах Чукотского района
Table 1. The natural branches results in the Chukotski District collective farms

Вид добываемых ресурсов	Ежегодные показатели добычи (планируемой и фактической)											
	1944 г.		1945 г.		1946 г.		1947 г.		1948 г.*		1949 г.**	
	факт	факт	план	факт	план	факт	план	факт	план	факт		
Морж, ед.	1760	1955	3000	1860	4200	2718	4000	1881	3600	2454		
Лахтак, ед.	1862	1383	2000	1610	2100	2023	2200	2274	2300	1896		
Нерпа, ед.	16 971	25 765	28 000	26 680	32 400	25 853	35 000	26 285	30 500	24 898		
Рыба, ц	250	204	–	1729	6300	–	3500	1220	6900	2344		

Примечание. Составлено по: ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 65, л. 19; д. 71, л. 20; д. 77, л. 10; д. 89, лл. 11, 12; прочерк – данные отсутствуют.

* В 1948 г. вне плана добыто 20 китов, 96 белух и 104 белых медведя.

**В 1949 г. вне плана добыто 26 китов, 30 белух и 134 белых медведя.

здания 71 рыболовецкой бригады, куда вошли 335 рыбаков. Это были «бумажные» бригады, т. к. их укомплектовали охотниками-промысловиками, большую часть времени занятыми морской охотой. В результате во многих колхозах, как и прежде, преобладал не бригадный, а индивидуальный способ вылова рыбы (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 77, л. 12).

По сути, наращивание объемов добычи являлось внешней по отношению к этим коллективам задачей, и контроль за ее воплощением в жизнь полностью ложился на партийную, хозяйственную и советскую администрацию. Мотивировать же морских зверобоев к сознательной интенсификации усилий удавалось далеко не всегда. Так, во время массового хода моржа весной 1947 г. члены колхозов «Красная Заря», «Имени Сталина», «Новый путь» «отсиживались в ярангах, не выезжали на промысел», и даже представители районного комитета ВКП(б), специально посланные в эти хозяйства для организации морской охоты, не смогли мобилизовать зверобоев на активный промысел (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 71, л. 21).

Партийные лидеры могли бы добиться лучших результатов если бы материально и морально поощряли морских охотников. Однако и тут партийное руководство допустило просчет: в начале 1947 г. было принято решение о премировании лучших зверобойных бригад колхозов и отдельных охотников маузерами, отрезами ткани и другими товарами, вручение по итогам года переходящего Красного Знамени. Это решение было опубликовано в районной газете «Советский Уэллен¹», и жители района о нем знали. Между тем по окончании сезона активной охоты райисполком отказался выполнить это решение под предлогом отсутствия средств. Это подрывало доверие колхозников и престиж руководящих работников (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 71, л. 44).

В конечно счете, несмотря на все усилия руководителей района выправить положение,

¹До 1953 г. официально именно так писали название поселка.

главным образом за счет увеличения промысла моржа, дисбаланс в структуре добычи морских животных сохранялся и во второй половине 1940-х гг., о чем говорят количественные показатели (табл. 1).

Поскольку итоги 1948 г. по промыслу моржа оказались гораздо более скромными, чем ожидалось, дефицит мяса и жира по району, по подсчетам специалистов, достиг 1500 т. Разумеется, это теоретические выкладки, скорее всего, не вполне точные², но они говорят о реальной нехватке традиционных продуктов и низком уровне жизни коренного оседлого населения. Промысел следующего года, хотя и был более удачен по моржу, существенно не улучшил ситуацию. Плохо обстояло дело с хранением и переработкой продукции морской охоты: погребя и ледники в колхозах отсутствовали, мясо и жир продолжали складировать в традиционных мясных ямах.

Из-за примитивных методов переработки хозяйствам зачастую не удавалось сбывать продукцию морского промысла на сторону даже в том случае, если добыча была обильной. В частности, весомые доходы могли быть получены от продажи в районную заготовительную контору (РЗК) кож морских животных, которые пользовались большим спросом. Однако выделка кож велась традиционным способом, на нее затрачивалось много времени, поэтому в 1948 г. колхозы сумели сдать в РЗК только 771 кожу моржа, 263 шкуры лахтака и 2314 шкур нерпы

² Согласно нашим подсчетам на основе имеющихся в архивных документах данных, для питания почти 4 тыс. оседлых жителей Чукотского района (расчет произведен путем умножения количества хозяйств на среднее количество его членов (844×4,7 = 3966 чел.) необходимо, при усредненной годовой норме 730 кг мяса и 100 кг жира на 1 чел., почти 3300 т мяса и жира. Если исходить из средних показателей товарного выхода по видам животных, от морской охоты 1948 г. получено 2350 т мяса и жира, т. е. дефицит составил 950 т. Но здесь не учтены потребности в жире для отопления и освещения – 464 т (по норме 550 кг на 1 хозяйство в год) и в мясе для собак – 1654 т, поскольку средняя норма составляет 280 кг мяса на 1 собаку в год, в среднем насчитывалось 7 собак на 1 хозяйство.

из всего объема добычи (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 77, л. 24). Еще большая прибыль могла быть получена при сдаче не сырья, а готовых изделий из кожи и меха – торбасов, штанов, тапочек. Но такой организованный промысел не был налажен ни в одном колхозе, а осуществлялся, как и прежде, индивидуально, на дому и зависел от желания самих жителей. Сказывалось и отсутствие у руководителей колхозов практичности, хозяйственного расчета: случалось, что некоторые хозяйства продавали жир морского зверя в РЗК летом и осенью по 2 руб. за кг, а зимой, из-за нехватки продуктов, им приходилось покупать этот же жир в той же конторе по 10 руб. за кг, так что колхозы терпели существенные убытки (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 71, л. 20).

Анализируя состояние дел, руководящие работники называли две основные причины недостаточной результативности морской охоты: слабое техническое оснащение колхозов и плохая организация труда в период промысла. Рассмотрим, каким же образом был организован промысел и какими средствами располагали зверобой. Весной 1948 г. в Чукотском районе было сформировано 97 зверобойных бригад, куда вошли 767 охотников. В их распоряжении имелось 66 вельботов, 81 байдара большого и среднего размеров, 99 малых байдар, 51 рульмотор. Среди промыслового вооружения много было трофейного оружия: 420 маузеров и 304 винтовки арисаки. Кроме того, охотники имели 103 карабина, 50 берданок, 668 мелкокалиберных винтовок, 102 винчестера и 235 дробовиков. В промысловое оснащение также входили 22 китобойных ружья, 41 китобойная пушка, 854 нерпичьих и 844 рыболовных сети (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 77, л. 11). И если количественно эта промысловая оснастка выглядит внушительно, то того же нельзя сказать о ее качестве: и промысловые суда, и огнестрельное оружие находились в весьма изношенном или даже неисправном состоянии.

Так, из 51 рульмотора на ходу были 15, остальные настолько выработали свой ресурс, что их ремонт приводил только к кратковременному эффекту. К тому же отсутствовали запасные части, а наладить их изготовление в мастерских Провиденского морского порта и местных зверобойных станциях (о них речь пойдет

ниже) не удавалось из-за отсутствия нужного металла: детали из эрзац-материалов не выдерживали нагрузок и моторы быстро выходили из строя. Более 80% вельботов были крайне изношены и требовали полной замены. Плохое состояние флота не позволяло вести активную добычу моржа в открытом море, именно поэтому его промысел был столь низким. Как следует из архивных документов, «зверобойные бригады не могут уходить в море на большое расстояние от берега на старых вельботах, которые уже сгнили. Были такие случаи, когда вельбот в море сломался и члены бригады залатали на ходу пробоину шапкой, таким образом добрались до берега. Эти плавсредства прожили два века» (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 65, л. 180б).

Что касается оружия, то большая его часть находилась в длительной эксплуатации, многие ружья уже не действовали, часто не хватало патронов нужных калибров. Колхозники, впрочем, не слишком охотно отдавали в общественное пользование промысловое снаряжение, поэтому колхозным достоянием становились суда, моторы и оружие, поступавшие в район уже в советское время (табл. 2). Но этого снаряжения было недостаточно, тем более что оно постоянно выходило из строя.

Для преодоления хозяйственной и культурной архаики в сфере традиционного природопользования основополагающее значение имели два законодательных акта конца 1940-х гг. Первый – постановление ЦК ВКП(б) от 13 декабря 1948 г. «О работе Хабаровского крайкома ВКП(б)» – имел стимулирующее значение для закрепления усилий партийцев в фарватере модернизационных преобразований оседлых и кочевнических хозяйств. Вслед за ним вышло постановление СМ СССР от 15 декабря 1948 г. «О мерах помощи хозяйственному и культурному строительству в национальных округах и районах Крайнего Севера Хабаровского края», которое акцентировало внимание на техническом и организационном совершенствовании традиционных отраслей хозяйствования.

Для выведения морской охоты на новый уровень предусматривалось, по аналогии с машинно-тракторными станциями центральных районов страны, наладить на Севере работу моторно-зверобойных станций (МЗС), обязанность кото-

Таблица 2. Соотношение личного и общественного имущества в колхозах Чукотского района
Table 2. The correlation of the individual and common belongings in the Chukotski District collective farms

Год	Вельботы		Байдари		Моторы		Оружие	
	общие	личные	общие	личные	общие	личные	общие	личные
1948	66	1	72	108	51	–	263	1637
1949	48	1	86	112	32	–	347	1323

Примечание. Составлено по: ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 77, л. 18; д. 89, л. 22.

рых состояла в обслуживании колхозов. МЗС предоставляла им промысловый флот и оружие. К 1948 г. в Чукотском районе Чукотки была развернута работа Пloverской МЗС, которая оказывала такую помощь 27 зверобойным бригадам. В промысловый сезон 1948 г. станция предоставила этим бригадам для промысла 6 безмоторных вельботов, 1 моторный вельбот, 3 сейнера и 2 шхуны. Поскольку сами колхозники владели лишь 3 рульмоторами, а также испытывали сильный недостаток в промысловом флоте и оружии, такая поддержка оказалась существенной: бригады, обслуживаемые станцией, выполнили план добычи морского зверя на 134%. Но помощь могла быть и более значительной: как выясняется из архивных документов, наличный флот МЗС на активном промысле моржа и кита в открытом море бывал нечасто, так как главным образом занимался каботажными перевозками грузов для других организаций, что приносило гораздо большую прибыль (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 77, л. 13). Таким образом, интересы МЗС и колхозов расходились, а принудить руководство станции действовать в пользу зверобоев руководству району удавалось далеко не всегда.

Не хватало промыслового флота и снаряжения и у самой МЗС. Руководство Главного управления рыбной промышленности Камчатской области (Главкамчатрыбпром), в ведомстве которого состояли зверобойные станции, к их техническому оснащению зачастую относилось формально и вместо остро необходимых вельботов и моторов слало снасти, не используемые в морском промысле, как то наплавыв для ставных морских неводов, дель (Там же). Нарекания руководителей района вызывал и практикуемый Главком случайный метод подбора кадров для МЗС, результаты которого особенно ярко проявились в ходе строительства Мечигменской МЗС, начатого в сентябре 1948 г. В состав станции должны были войти следующие постройки – жилой дом, электростанция, помещение для столовой, магазин и пекарня; коллектив будущей станции уже был сформирован и занимался организацией строительства. Как следует из документов, *«кадры подобраны без проверки и не соответствуют своему назначению», «трудовая дисциплина <...> стоит на очень низком уровне <...> пьянство и разболтанность коллектива <...> систематические пьянки и дебош»* (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 77, л. 13). Критично партийные руководители отнеслись и к собственной работе, признав *«крупнейшие недостатки в деле подбора и расстановки руководящих кадров»*, что также отрицательно сказалось на организации колхозной жизни, в том числе морского зверобойного промысла (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 77, л. 36).

Но все же, по мнению партийной и советской администрации, основная причина плохого состояния дел заключалась в работе самих колхозов и в колхозниках. Руководители района рассматривали аборигенов, в силу тех или иных причин мало потрудившихся на морском промысле, как *«лодырей и лжеколхозников, ведущих паразитический образ жизни»* (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 77, л. 16). Какие же основания были для подобных выводов?

Из действовавших в Чукотском районе 27 коллективных объединений большая часть была малолюдная: в пяти из них насчитывалось до 20 домохозяйств; в шести – от 21 до 30; остальные объединяли от 30 до 50 семей. Маломощность колхозов не позволяла им организовать полноценный коллективный труд. Более того, как выяснилось, и эти малочисленные колхозы *«самовольно разукрупнились»*, что в партийных документах прослежено на примере двух коллективных хозяйств – Тойгуненского и Нешканского.

Тойгуненский колхоз объединял 23 семьи (90 чел., из них в трудоспособном возрасте 34 мужчины и 29 женщин), которые проживали не компактно, а были расселены в трех пунктах, отстоявших друг от друга на 15–20 км. При этом председатель колхоза жил не в центральном поселении (с. Тойгунен), а в одном из более мелких. Понятно, что подобная разбросанность домохозяйств в реальности приводила к повседневному воспроизведению привычного индивидуально-семейного, экономического и социального поведения, а объединение семей в колхоз являлось делом формальным. Председатель в такой ситуации так же оказывался фигурой, скорее, номинальной, поскольку руководить работой колхоза полноценно не мог. Преобладанию у тойгуненцев личной хозяйственной инициативы соответствовал и характер собственности на промысловое оснащение. Так, из 4 байдар обобществлена лишь 1, из 21 ружья колхозу принадлежало 13, а общественных животных не было вовсе, тогда как в личной собственности имелось 206 оленей и 144 собаки (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 77, л. 17).

«Что же коллективного в этом колхозе?» – спрашивали себя партийные руководители. – *Чем он отличается от тех времен, когда там не было формально колхоза?»* (Там же). Официальные результаты морского промысла колхозников-тойгуненцев за 1948 г. оказались скромными – моржа добыли 26 шт. (из 50 запланированных), лахтака 20 (из 30), нерпы 713 (из 1400), рыбы выловили 20 ц из 70 по плану. В целом приход продукции в течение года составил, по данным райсельхозуправления, 50,3 т. Если допустить, что распределение произведено поровну (по едокам), то каждый член колхоза

за получил на день лишь 1,5 кг мяса. При таком обеспечении в колхозе не было бы ни отопления, ни освещения, ни сдачи жира и мяса в торговую лавку, не было бы возможности держать ездовых собак. Отсюда вывод: значительное количество морского зверя, как и прежде, добывалось индивидуальным путем (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 77, л. 17).

Нешканское коллективное хозяйство так же располагалось в трех населенных пунктах, и председатель его проживал в 9 км от центральной базы (с. Нешкан). Этот колхоз был более крупным, чем предыдущий (объединял 198 чел., из них трудоспособных мужчин – 53, женщин – 59), но, как свидетельствуют документы, так же «влачил жалкое существование». Обобществленных судов в колхозе не имелось, из ружей в коллективной собственности находились лишь 4 маузера (Там же). В этом колхозе, по мнению районных лидеров, тоже не было «ничего коллективного», «колхозники живут и работают только на свое хозяйство, а сельскохозяйственный отдел районного комитета ВКП(б) подсчитывает индивидуальную добычу и механически считает ее за результат коллективного труда» (Там же).

Подобное положение, констатируют руководители, существовало во многих колхозах, поскольку и промысел и распределение продуктов морской охоты коллективные хозяйства продолжали вести по тому обычаю, который сложился в традиционном обществе: «В распределении мяса морзверя уравниловка». «Труд хороших и плохих колхозников не разграничивается, морзвербойные бригады обезличены, по существу не поощряются. Лучшие бригады, добывающие больше морзверя, во время его отсутствия совершенно ничем не занимаются. Оплата труда не по количеству затраченного труда, а всем одинаково по норме» (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 65, л. 20). Главная беда, по мнению партийных работников, заключалась в отсутствии организаторов колхозного производства из числа самих аборигенов: «Никто не знает, сколько добыто зверя и куда расходовали продукты. Ни в одном колхозе не выдавали на трудодни деньги, вырученные от продажи морзверя. Причина исключительно в отсутствии подготовленных кадров. Мы иногда забываем, что имеем дело с самым отсталым народом, имеющим большой процент неграмотности, председатели колхозов в своем большинстве могут только расписываться» (Там же). Действительно, на смену прежним лидерам, которые были дезавуированы как «кулаки» и «эксплуататоры», новых руководителей «морского производства» еще предстояло вырастить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, на основании анализа архивных источников можно сделать вывод, что вплоть до середины XX в. большинство оседлых жители прибрежных населенных пунктов Чукотского района жили и вели свое хозяйство так, как и в досоветское время, «как единоличники», числящиеся колхозниками лишь на бумаге. Аборигены были «разбросаны по хуторам и там, где ни заблагорассудится», в колхозах отсутствовал «повседневный и единый учет», правления «работали плохо и существовали формально» (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 77, л. 18). Из архивных документов ясно видно, что усилия советской администрации в 1940-х гг. были направлены в основном на то, чтобы береговое население само себя обеспечивало продуктами морской охоты в достаточном количестве. Эту цель преследовали спускаемые колхозам и бригадам планы, этого добывались уполномоченные, которых ежегодно на время весенней охоты посылали в хозяйства для организации промысла и контроля за действиями охотников, наконец, для этого проводилось обновление промыслового флота и инвентаря.

Государственный план по сдаче продукции колхозы не выполняли; главной их задачей было самообеспечение жителей и некоторое оживление экономики коллективных объединений за счет внутренних обменов и децентрализованных поставок. Однако, как видно из рассмотренных нами документов, артели и товарищества с трудом справлялись даже с собственным жизнеобеспечением: как показано выше, если исходить из размеров учтенной добычи, дефицит продуктов был колоссальным. Другое дело, что не весь выловленный зверь был учтен, поскольку колхозники продолжали вести и индивидуальную охоту, в особенности зимой. Однако такой способ жизнеобеспечения, приближенный к традиционному как в экономическом, так и социальном аспекте, консервировал традиционный же уровень развития береговых поселений. Советскую администрацию эта архаика не удовлетворяла, нельзя было мириться и с экологическим ущербом, наносимым скрытой передобычей. Неслучайно поэтому на VI районной партийной конференции (апрель 1950 г.) была поставлена задача «решительной и коренной реконструкции» и промысловой техники, и способов лова. Упор предполагалось сделать на добыче моржа не на открытой воде, а в местах скопления на льдах в районе о. Врангеля (ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 89, лл. 13, 14). Согласно воле партийного руководства, 1950 г. должен был стать решающим годом модернизации морского промысла.

ЛИТЕРАТУРА

Бацаев И. Д. Сельское и промысловое хозяйство Северо-Востока России 1929–1953 гг. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1997. – 138 с.

Гарусов И. С. Социалистическое переустройство сельского и промыслового хозяйства Чукотки (1917–1952 гг.). – Магадан : Кн. изд-во, 1981. – 190 с.

История и культура чукчей: историко-этнографические очерки. – Л. : Наука, 1987. – 287 с.

История Чукотки. – М. : Мысль, 1989. – 492 с.

Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. – Новосибирск : Наука, 1974. – 456 с.

Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. – М. ; Л. : АН СССР, 1955. – 569 с.

Поступила в редакцию 12.03.2012 г.

THE MARITIME HUNTING IN THE CHUKOTSKI DISTRICT OF THE CHUKOTSKI NATIONAL AREA IN THE 1930–1940's

L. N. Khahovskaya

On the basis of archives sources, the institutional, economic, and social aspects of the Soviet modernization of the maritime hunting in Chukotski District of Chukotski National Area in the 1930–1940's are considered. The situation in the maritime settlements, formed as a result of the forced modernization of maritime hunter mode of life, is discussed. The conclusion is made about mostly traditional mode of life and life-support system of the settled native population majority up to the mid-20th century.

Key words: Chukotski District, maritime hunting, settled native population, collectivization, Soviet modernization.